

Победитель конкурса «ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СТРОК»

Валентина
СЕГИДА

ПЛАСТЫРЬ

для
ДУШИ

16+

Валентина Александровна Сегидя

Пластырь для души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64251368

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-6045083-1-2

Аннотация

Ольга остается в 35 лет без мужа, дома и работы, разбитое сердце и горечь предательства, а также отсутствие средств к существованию толкают начать жизнь с чистого листа. Соприкосновение с тайной старого дома и встреча с его новым хозяином Валерой позволят Ольге по-другому взглянуть на прожитую жизнь. Она узнала, что даже в годы по-настоящему тяжелых испытаний, когда под угрозой была сама жизнь, люди боролись за свое счастье и крепко держали в руках нить судьбы. Это знание придает Ольге достаточно сил, чтобы поверить в себя и в то, что в 35 ничего не потеряно и будущее во многом зависит от нее. Поняв свои чувства и желания, Ольга сможет вновь полюбить и стать счастливой. Для тех, кто любит романы с послевкусием...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	37
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Валентина Сегида

Пластырь для души

Пролог

Лето 1950 г. Где-то под Красноярском

Утро. Светает. Сквозь щель в брезенте я вижу, как в крошечной мгле начинают появляться светлые тона. Машина в очередной раз подпрыгивает на кочке. Мне не страшно. Я сижу в кузове грузовика, забитого мешками со шкурами. Тут же ящики с ягодами и грибами. Чуть подалее кучей навалены вперемежку корзины из бересты, лапти и всевозможные изделия. Все то, что лагерные люди могут соорудить на продажу.

Я понимаю, что я делаю и зачем. Просто у меня нет другого выхода. Я бегу из лагеря и надеюсь, что меня не поймают. По моим расчетам, машина будет ехать еще три часа, а потом остановится у переправы. В этот момент мне нужно будет вылезти из машины и спрятаться в лесу. А потом идти вдоль берега несколько дней вниз по течению Енисея и ждать удобного момента, чтоб залезть на плот. Карл сказал, что там есть специальное место, где легче всего это сделать. Он узнал у местных.

О, мой друг, как же мне жаль было расставаться с то-

бой. Как бы сложилась наша жизнь при других обстоятельствах? Я не знаю, но сейчас ты убедил меня, что бежать – единственный выход.

Я провела в лагере почти три года, и мне оставалось еще семь. Я не собиралась бежать, я хотела выжить и вернуться в Ленинград. У меня есть цель, я должна найти своего сына. Эта цель и ведет меня сейчас. Дает сил и добавляет веры. А еще я бы просто умерла, если бы осталась. А тут хоть какой-то шанс. Мало кому удастся бежать из этого места, пусть так, но я попробую. Я верю, Бог меня не оставит.

У меня с собой небольшой привязанный к поясу мешок, в котором лежит мой дневник, сменное платье и немного еды. Ее я собирала две недели, урезая свой рацион как могла. Банку тушенки и кусок сала дал мне Карл, когда мы прощались. Он не мог бежать со мной, хоть и очень хотел. Еще он дал мне самодельный нож, бинт и несколько таблеток пенициллина. А потом отстегнул свои часы на цепочке и положил мне в руку.

– Продай их на станции, и тебе хватит на дорогу до Ленинграда. А там ты знаешь, к кому обратиться за документами и что сказать.

– Да, я все запомнила, спасибо. Угол Гороховой и Фонтанки, подворотня, направо, потом три ступеньки вниз. Дверь с решеткой. Постучать три раза. Я все помню. Спасибо большое, Карл.

Обнимая меня на прощание, он не мог сдержать слез. Его большие карие глаза за поцарапанными стеклами очков выглядели особенно незащищенными. Потом приступ кашля отвлек его. Он сплюнул кровавый сгусток себе под ноги, протер губы куском марли и продолжил:

– Так, запомни, как только машина остановится, у тебя будет не больше пяти минут, чтобы выбраться и спрятаться у дороги. Потом, не дожидаясь темноты, постарайся уйти как можно дальше. По лесу ходят военные с собаками. Поэтому беги как можно дальше и как можно тише. И молись. Через десять километров лес станет совсем непроходимый, тогда спускайся к реке и беги. Там высокая трава. Следи за плывущими баржами, как только заметишь, сразу прячься.

В тридцати километрах от переправы есть крутой заворот, тебе нужно не пропустить его по лесу. Там единственное узкое место, где сбита древесина проходит рядом с берегом. Тебе нужно выбрать самый большой плот и залезть на него. Дальше река становится шире, течение падает. Ты будешь дрейфовать на нем неделю.

Потом начнут попадаться острова, значит, скоро станция, и пора думать, как выбраться на берег. Если ты доберешься до станции, то, считай, спасена. Там, в общем-то, сама разберешься. Главное – не попадайся собакам.

В лесу я не пропаду. Спасибо, папочка, за то, чему успел меня научить. У меня есть медицинский жгут, с его помо-

щью я сделаю лук и смогу убить зайца или белку – кого повезет.

Предаваясь размышлениям и воспоминаниям, я не заметила, как совсем рассвело. Машину в очередной раз подбросило на кочке. Через щель в брезенте я стала различать деревья у края дороги. Видимо, уже скоро. Ноги немного затекли, и я начинаю их разминать. Совсем скоро им предстоит хорошенько поработать.

Я молюсь, сжимая рукой латунный крестик. Он висит на шнурке у меня на груди. Я так и не выучила ни одной молитвы, я прошу Бога не оставлять меня сейчас, в ржавом кузове старого грузовика. Я верю, что Бог меня слышит. А как иначе?

Я чувствую, как машина замедляет ход. Значит, уже пора. Перекрестившись и поцеловав маленький крестик, я пробираюсь к краю кузова. Остановка. Я выглядываю из-под брезента. Никого. Еще минута – я лежу в канаве у дороги и смотрю по сторонам. До леса метров десять.

Я вижу военных на переправе, они досматривают грузовик, перед тем как погрузить его на понтон. Военных немного, я насчитываю человек десять, все они увлечены своими делами. Никто не смотрит по сторонам, здесь беглецы редкое дело. Вот на той стороне, где настоящая тюрьма, там все серьезнее.

Я ползу в сторону леса. Когда деревья смыкаются за моей спиной, я встаю и бегу. Не оглядываясь и не останавли-

ваясь. В какой-то момент я слышу лай собак, это заставляет меня бежать еще быстрее.

Сквозь высокие ели я вижу, как ярко светит полуденное солнце, но его лучи не доходят до земли. Мое дыхание сбилось, ноги устали, и я падаю на серый мох. Он влажный и пахнет сыростью. Перевернувшись на спину, я пытаюсь восстановить дыхание и немного отдохнуть. Я слышу лай, но не могу понять, как далеко они находятся. Если меня учуяли собаки, это конец. Они не отступят и легко меня выследят. Нужно спускаться к реке, там легче спрятать следы.

Я встаю и продолжаю бежать, поменяв направление. И вот я на берегу. На мгновение застываю, очарованная красотой Енисея. Он величественный и неспешный. Не хотелось бы в нем утонуть. Берег обрывистый, и я не понимаю, как спуститься к воде. Если только прыгнуть. Но тогда я долго не проплыву. Пусть лето, но вода холодная. Да и с берега меня будет отлично видно.

Я продолжаю бежать вдоль реки по краю обрыва и искать спуск к воде. Отчетливо слышу лай собак, они близко. Мне кажется, я уже вижу их. Секунда на принятие решения. Я встаю на самый край обрыва и смотрю вниз, там метров пять. Но зато чуть дальше, в стороне, есть камыши, вот бы доплыть до них. Тогда меня могут не заметить.

И я прыгаю в тот момент, когда лай собак уже у меня за спиной. Холодная вода смыкается надо мной. Мокрая одежда сковывает движения. Я медленно опускаюсь ко дну.

Я понимаю, что нужно изо всех сил грести влево. И не выныривать до тех пор, пока не увижу стебли камышей. Но в какой-то момент так легко сдаться и просто пойти ко дну. Я так устала бежать, и мне очень страшно умирать. Один вдох – и мои мучения закончатся. В темной воде я поднимаю глаза и сквозь солнечные лучи вижу его. Мой голубоглазый мальчик тянет ко мне свои маленькие ручки. В тот же миг я прихожу в себя и начинаю неистово работать руками. И вот я уже вижу – коричневые стебли торчат из ила. Дно совсем рядом, я доплыла туда, куда и не надеялась.

Очень медленно я всплываю, поворачиваю голову набок и делаю долгожданный вдох. Сквозь камыши я вижу, как наверху обрыва стоят четверо солдат и всматриваются в темную гладь воды. Собаки успокоились и тихо сидят рядом. Они меня больше не чувствуют. Их работа сделана. Постояв минут десять, они уходят вглубь леса. Я сижу в холодной воде несколько часов. Я боюсь, что они где-то рядом. Едва начинает смеркаться, я медленными тихими движениями гребу сквозь камыши вдоль берега. Только ночью я выбираюсь на берег и ухожу вглубь леса. Там я жадно ем размокший кусок хлеба и засыпаю.

Еще не рассвело, когда я просыпаюсь от холода. Сняв и отжав одежду, я продолжаю свой путь. Уже более аккуратными перебежками. Я очень боюсь, что мои преследователи где-то рядом. К вечеру лес меняется, и я понимаю, что пора спускаться к реке. Я решаю, что можно передохнуть,

и развожу костер. Я ем ягоды и грею на огне единственную банку тушенки. Сегодня у меня пир. Я засыпаю счастливой, собаки меня не нашли.

На следующий день я мастерю лук и убиваю двух белок. Это все в перерывах между движением вниз по реке.

Мой поход до места, где мне нужно попасть на плот, занял пять дней. И вот я тут. Я понимаю, что без труда заберусь на один из плотов, плывущих вниз по реке. Меня мучает другой вопрос: как прожить неделю без еды? А вдруг дорога займет больше времени? Все мои запасы пропали в первый же день при прыжке в воду. Сухари размокли. Остался лишь маленький кусочек сала. За время пути я смогла подстрелить с десятков белок и двух зайцев. Сейчас я разведу костер и зажарю все, что у меня есть. Поем, а остальное распределяю на семь частей.

Так я и сделала, а потом доплыла до самого крупного скрепления сосен и легла на них сверху.

Дни потекли медленной чередой. Когда я видела приближающуюся баржу, я прыгала в воду и плыла, держась за плот с противоположной стороны. Это повторялось несколько раз. Мне не было страшно, а голод, мучивший поначалу, к середине пути отпустил.

Ночами я лежала и смотрела на звезды. Когда мне не спалось, я представляла, как вернусь домой. Как встречу Надю с моим мальчиком. Как заберу его и уеду в какой-нибудь другой город, где меня никто не знает. Где можно все начать

с начала. Где я смогу выучиться на врача и лечить людей. Пусть это будет совсем маленький городок, не имеет значения. Я хочу найти своего сына, все остальное неважно. Хотя нет, есть еще одно. Я бы хотела увидеть Пашу, хотя бы один раз взглянуть на него. Как ты там, мой милый? Вспоминаешь ли меня?

Когда стали появляться острова, течение не думало становиться тише, а река уже. Я плыла уже семь дней, еда почти закончилась. И, насколько хватало моего взгляда, была вода. Я видела край нужного мне берега, но доплыть до него было сверх моих возможностей. Неужели Карл ошибся? Я плыла и молилась. Ты не дал собакам меня найти, помоги и сейчас, я уже так близко от спасения! Торгуясь с Богом, я обещала ему все что угодно. Мне кажется, что рассудок стал покидать меня в какой-то момент.

Прошло еще два дня, мне показалось, что река становится уже и течение стихает. Берег теперь не казался таким далеким. Я могла бы до него доплыть, если бы у меня было больше сил. Ждать, пока берег станет ближе, или попробовать сейчас? Этот вопрос не давал мне покоя. Я всматривалась в рваный край спасительной суши и думала, что делать.

На восьмой день своего путешествия по реке я проснулась и увидела берег, спасительный берег был близко. Метров семьдесят, вряд ли больше. Я бы могла убить белку на дереве на берегу, если бы моя винтовка сейчас была у меня.

Больше ждать не имело смысла. Я села на край бревна, перекрестилась и скользнула в холодную, темную воду.

Глава 1

2018 г. Где-то под Петербургом

Я как говно в проруби болтаюсь по жизни, так сказала мама, а еще добавила:

– Ты сделай хоть что-то, в конце концов!

Разочаровывать маман – это я умею! Вот если бы за это давали награды – у меня весь шкаф был бы в кубках. Не тот институт, не тот цвет диплома, не та внешность, слизняковый характер (это дословно), не тот муж, а главное – этот список бесконечно длинный. Но основной провал на сегодня – это то, что меня бросил муж. Ушел к другой женщине. И если бы она была молодой и с большой грудью, то это, вроде как, и понятно. Но нет. Ей тридцать шесть, на год больше, чем мне. Она не такая уж красивая, обычная. И у нее двое детей. Чем она его привлекла, для меня загадка. Но в один прекрасный день он собрал вещи и ушел. Это так стыдно, когда тебя бросает муж. Ко всему прочему еще и мама говорит, что за дело бросил.

– Конечно, от тебя ни борща, ни уюта, даже родить – и то не захотела, – в этих словах была доля правды, но менее болезненными от этого они не становились. Я пыталась родить, но пока не получилось. И в этом была не только моя вина. Я не могла сказать этого маме. Вообще никому не могла сказать. Это было наше с Игорем дело, когда рожать детей. –

Я тебе столько раз говорила, как важны для мужика дети, а ты все «успеем». Карьера для нее важна! И что ты сейчас будешь делать? Где сейчас твоя карьера?

К слову, и тут мама била по живому. Я не за свою карьеру переживала. Я бухгалтер, работала после института с мужем – десять лет на благо семейного бизнеса. Распалась семья, а вместе с ней и семейный бизнес. Точнее, это я осталась без него. Игорь по-прежнему владеет нашей преуспевающей строительной компанией. А я с его подачи год назад перестала работать. Постоянные больницы и врачи так меня вымотали, что Игорь заставил меня оставить бухучет и сосредоточиться на здоровье и доме. Я этому очень радовалась. Работу я не любила – тоска и нервотрепка. Он нашел среди знакомых *ее*, я передала ей дела, а как оказалась потом, еще и мужа.

– Хватит наматывать сопли на кулак, соберись, и если не хватило ума не дать ему уйти, то хоть половину бизнеса у него забери. Давай найдем адвоката, ты имеешь право на половину всего. Он был никем до встречи с тобой. Почему ты ни за что не борешься? – не унималась мама, с остервенением намывая плиту.

Плита была чистая, как и все в моем доме! Лишь толстый слой пыли покрывал все, к чему я не прикасалась. А я мало к чему прикасалась. Я уже полгода живу в анабиозе. Я и раньше не часто готовила, а сейчас вообще перестала – ну не сильна я в готовке. Не умею и не люблю это дело. Мы с

Игорем часто ужинали в городе после работы, да и доставку из любого ресторана никто не отменял. Игоря это устраивало – он так говорил, но, видимо, мама и тут права, и *эта* ему домашние разносолы готовит.

Я обхватила руками голову и закрыла глаза. Сидя на барном стуле на кухне, я мечтала только об одном: чтоб ритуал еженедельного семейного насилия скорее закончился и я опять бы пошла предаваться страданиям под «Игру престолов». Передо мной стояла чашка остывшего кофе и тарелка с кашей. Вот как маме объяснить, что я не ем кашу? Но, как всегда, я предпочитала молча есть, чем объясняться с маман. Мне тридцать пять, а я так и не научилась отстаивать свои интересы даже в вопросе каши.

Мама помыла плиту и принялась намывать холодильник.

По субботам она приходила с мешками еды, суровым видом и полная решимости поставить меня на ноги и заставить бороться. С кем? Зачем? Не имело значения. Для моей мамы жизнь – борьба. Смысл борьбы в самой борьбе. А я не такая. Я слизняковая.

Она кормила меня кашей, забивала холодильник готовой едой, выкидывала недоеденную с прошлой недели, намывала все вокруг и не переставала мне повторять, что надо брать себя в руки и что-то делать.

А я не хотела ничего делать, я хотела свою жизнь обратно – мужа и наше тихое семейное счастье. Он ушел полгода назад, и я его с тех пор не видела. Я из дома-то за это вре-

мя вышла раз десять, ну не готова я к новой жизни, а как вернуть старую жизнь, понятия не имею. И уж точно не по маминим инструкциям.

– На что ты будешь жить? Деньги скоро кончатся.

– Мам, я знаю. Но пока еще немного есть. Как-то так сложилось, что у меня сбережений нет.

У нас вообще еще не начался раздел нажитого непосильным трудом. От мысли, что это придется делать, на меня с новой силой накатила тоска.

Честно говоря, я цеплялась за наш не случившийся развод как за ниточку. Вдруг он вернется? Первые месяцы я верила, что он вернется: раз не просит развод, значит все еще возможно. А сейчас в глубине души я понимала, что нет, не вернется, Игорь не такой. И пусть я не понимаю, как так случилось, откуда в наших отношениях появилась *она*, но что по-старому уже не будет, это точно.

– Да оставь ты ее, Зин, сколько можно? – это голос подал папа.

Ему тоже было велено присутствовать на операции по спасению меня. Он привозил маму на машине, таскал пакеты в дом, а потом растворялся на территории моего большого дома под предлогом что-то где-то починить. Сейчас он регулировал на кухне стеклопакет, который, по мнению мамы, неплотно закрывался, и оттуда дуло. Я этого не замечала. Но мама у меня дома чувствовала себя хозяйкой и следила за всеми моими косяками.

Боже, скорее бы они ушли. Хотя против папы я вообще ничего не имела. Он меня жалел и не приставал с инструкциями к жизни. А вот мама – это всегда пытка. Особенно сейчас, когда я на днище.

Я засунула в рот очередную ложку каши и посмотрела на часы над плитой. 11:30, еще часа два – и я останусь одна.

За окном выглянуло солнышко, в питерском климате это сродни чуду. Я встала, выкинула остатки каши в ведро, пока мама не видит, и убрала тарелку в посудомойку. Налив очередную кружку кофе, я подошла к окну.

Чудесное апрельское утро. В других обстоятельствах я бы допила кофе и пошла в свой сад готовить его к пробуждению после зимы. А сейчас я просто на него смотрела, у меня столько планов было на этот сезон, и всем им не суждено сбыться. Мы переехали сюда два года назад. А до этого три года строили наш великолепный, чудесный дом. Тут все придумано мной. Строительные работы уже закончены, а вот сад – это моя отдушина, и работ с ним еще много.

На заднем фоне уже пошла песня из серии «я в твои годы уже двоих родила и в школу отправила». О да, у меня есть брат, и он значительно успешнее меня. Сейчас пойдет история про Витеньку...

Я вышла на террасу и вдохнула свежего воздуха. На градуснике было +10. Я взяла плед с кресла и, завернувшись в него, села. От кофе поднимался пар. Здесь было тихо.

Ко мне пришел папа, сел рядом и молча закурил. Мне не

нужно было с ним разговаривать, чтобы почувствовать его поддержку.

Мы помолчали, а потом я спросила:

– Пап, как ты с ней живешь?

– Хорошо живу, она дома тихая. Это она за тебя переживает, вот и разошлась.

Папа биофизик, и если не сидит в лаборатории, то закрывается в своем кабинете, куда даже мама ни ногой.

– Пап, в чем смысл жизни? Я не знаю, где взять сил пережить развод и сохранить веру, что в моей жизни будет счастье. Мне тридцать пять, и я у разбитого корыта, у меня ничего нет.

– Смысл жизни – заниматься любимым делом и быть счастливой.

– Меня тошнит от бухгалтерии, но ничего больше я не умею. Я не знаю, сколько смогу здесь прожить, но явно недолго. А что потом?

– Ты можешь переехать к нам, твоя комната в том же виде, как ты ее оставила, ты же знаешь. Мы с мамой тебе всегда рады. Поживешь у нас первое время, а там решишь, что делать.

– Ну нет. Мама меня с ума сведет своими наставлениями очень быстро.

– Дочь, ты умная, если захочешь научиться чему-то новому – у тебя получится. Что такое тридцать пять? Мне в полтора раза больше, но я не считаю, что моя жизнь закон-

чилась. Никогда не поздно начать с начала, – сказал папа и закурил, а потом продолжил: – Просто поверь мне, через год тебе твои страдания покажутся такой глупостью. Ты молодая, у тебя вся жизнь впереди. Съезди в отпуск, поищи себя, развейся, а потом возвращайся и живи дальше. Ну не стоит он того.

В этот самый момент пропищала СМС, я посмотрела на экран телефона и прочитала: «Мне нужен развод». А потом следующая: «Освободи дом, я выставил его на продажу. Забирай все, что тебе нужно».

Первой мыслью было закричать: «Нет, не дам!» – и я убрала телефон в карман.

Папа увидел, что я поменялась в лице, и спросил:

– Что случилось?

– Игорь хочет развод, а еще он сказал, что продает дом и что мне пора сваливать, – сказала я, и слезы потекли у меня из глаз. Мой хрупкий мир надежд рухнул и разбился на тысячу осколков.

Папа обнял меня, как в детстве, и начал гладить по голове.

– Все будет хорошо, – повторял он, пока я рыдала в голос у него на плече. – Ты поплачь, потом легче станет. Но когда слезы кончатся, прислушайся к моим словам. Работа и время – лучшие лекари душевных ран.

Мама появилась, когда я уже перестала плакать и молча сидела, обхватив колени руками, глядя в одну точку. Села с другой стороны и сказала:

– Может, все-таки адвоката найдем? Тети Машин сын хотя бы, Колька, вон какой толковый стал, для начала сгодится. Дурочка ты моя, он же тебя с голой жопой оставит. Никому не нужны бывшие жены. Период доброты окончен. Теперь все эта новая заграбастает.

– Мам, спасибо. Нам делить нечего. Ты же знаешь, что земля – его мамы, двести лет назад купленная. Дом не оформлен в собственность. Мы до сих пор налоги платим как за деревянный дачный домик, который стоял тут раньше. В этот дом вбуханы все заработанные деньги, еще и кредит взят большой. Русский бизнес – это тебе не американская корпорация, тут самое ценное – связи, все остальное от налогов надежно спрятано. Делить фирму бессмысленно, она пустая. Игорь за два дня все действующие контракты на новую перекинет, если уже этого не сделал.

– В кого ты у меня такая бестолковая получилась? – спросила со вздохом мама.

– Ты что, считаешь меня саму виноватой в том, что Игорь меня бросил, а я еще и осталась без дома и денег? Мне что, по-твоему, нужно было делать?

– Надо было думать о своем будущем и откладывать хоть что-то на всякий случай.

– На всякий случай у меня был Игорь! – со злостью выпалила я и поняла, как жалко это звучит.

Прикусила губу и согласилась с мамой: я бестолочь. Закрыла лицо руками и опять заплакала. Ну как можно было

подготовиться к разводу в браке? Это каким человеком нужно быть, чтоб готовить себе запасной аэродром? Я за годы семейной жизни ни разу не думала, что будет, если мы разведемся. Если такая мысль и залетала мне в голову, то я отгоняла ее как нереальную. Уж больно счастливо мы жили. Вместе работали, строили дом, пытались завести детей. Мне казалось, что это может быть только у людей, которые любят друг друга и планируют жить вместе до старости. Как же я ошибалась. В один миг я осталась без мужа, работы, дома и совместных планов.

До меня стало доходить, что он так долго ждал вовсе не от сомнений – он готовился к разводу. От этой мысли мне стало особенно горько. Жесткость и расчетливость – то, что помогало ему в работе, – теперь обернулось против меня.

Мы еще какое-то время молча посидели на террасе, я перестала рыдать. А потом, после моего клятвенного обещания начать искать работу, родители уехали. Еженедельный ритуал по спасению меня закончен.

Я ходила по пустому дому. Все кончено. Это больше не мой дом. А я так его люблю. Столько сил в него вложено. Я продумала здесь каждую деталь. Это мой проект, я сама подобрала все в этом доме.

Он хочет развод. Я слишком хорошо знала Игоря, чтобы понимать, что за этой короткой фразой стоит принятое решение. Я взяла вазу со стола и запустила в стену, а потом все, что попадало мне в руки, летело туда же или об пол. Я с

неистовой силой крушила свой идеальный дом.

Мы познакомились в институте, на какой-то студенческой вечеринке. Мы учились на одном потоке и уже успели примелькаться, но вот личная встреча произошла только на пятом курсе. Он красавец и первый парень. Наш роман закрылся быстро и развивался стремительно. Мы были молоды и счастливы, и весь мир лежал у наших ног.

А сейчас? Что с нами стало? Я жила в выдуманном мире? Почему я не заметила, что мой муж уже с другой женщиной? В женских журналах пишут, что не заметить измену невозможно, а я не заметила, я была счастлива ровно до той минуты, пока не услышала: «Я ухожу». Эти вопросы без ответов я гоняла в своей голове, пока металась по дому из угла в угол.

Что за насмешка судьбы – сначала выйти замуж за самого завидного жениха, иметь все для счастливой жизни, а потом так бездарно это потерять. Почему у любви нет гарантий?

Хватит себя жалеть, в одном мама права: пора собирать себя в кучу. Мир все тот же, а я просто очередная брошенная женщина, нас таких миллионы.

Я достала ноутбук с мыслью посмотреть, какую работу нынче дают. Я никогда не искала работу, не писала резюме и не проходила собеседований. Сначала институт, потом аспирантура, которую я не закончила – Игорь велел бросать это мракобесие и идти работать к нему. Так начался наш семейный бизнес. Он строил дома, я после курсов бухгалтеров сводила дебет с кредитом, отчитывалась в налоговой, делала

договоры. Я всегда была рядом, выполняла все его задания. Мне доставляла радость мысль, что мы работаем вместе, я гордилась этим, хоть сама работа мне не особо нравилась. Но вот Игорь – строитель по призванию, он горел своей работой, у него было много идей, и он воплощал их в жизнь. Это давало результат – наш бизнес процветал.

Опять я мыслями вернулась к Игорю и нашей счастливой жизни. Как же я по нему скучаю. Я вообще забыла, как это – жить самой. Последние тринадцать лет просто делала все, как он говорил. Зря, наверное. Он не был тираном и деспотом, просто он всегда знал, что делать, и не сомневался в выборе. А я из тех, кто тысячу раз отмерит – и не отрежет. Когда и где я потеряла себя и превратилась в приложение к Игорю?

Мои депрессивные мысли прервал звонок в дверь. Неужели мама вернулась?

Машка не вошла, а влетела, она всегда появлялась эффектно, заставляя всех вокруг обратить на себя внимание, а потом следить за каждым ее движением. Она была яркая, громкая, большая – от нее исходила бешеная энергетика. Вот и сейчас – желтый кислотный пуховик поверх розового плюшевого спортивного костюма делал ее похожей на новогодний шарик.

– Какая же сегодня холодина, скорее бы настоящая весна началась, как надоел дубак, – говорила она, пока снимала пуховик одной рукой, а второй уже обнимала меня. – Пло-

хо ты выглядишь, мать, – добавила она после пристального осмотра.

Надо сказать, я действительно плохо выглядела. Не знаю, кто те женщины, которые от развода худеют, меняют прическу и вообще расцветают, я не такая. Волосы немывтые в кукуль завернуты, их надо бы не только помыть, но и покрасить, ногти без маникюра, цвет лица серо-зеленый, с темными кругами под глазами. Давно пора навестить косметолога. А еще я потолстела, не знаю на сколько, потому что давно ничего не надевала, кроме пижамных штанов. Я лежу и ем булки, которые всю жизнь себе запрещала. Какой смысл следить за собой, если я не собираюсь покидать территорию кровати в ближайшие сто лет?

– Так, собирайся, слышать ничего не хочу. У меня для тебя есть жилье и работа, – громко рапортовала Машка. – Не могу больше смотреть, как ты к дивану прирастаешь и в соплях своих тонешь.

– А ты не смотри, – отвечаю я. – Ты кофе-чай будешь?

Видимо, маман решила подключить тяжелую артиллерию. Ох, мама-мама, почему я на тебя так не похожа?

Мы дружили с Машкой со школы. Я писала за нее сочинения, а она решала мне физику. Закончив политех, она убрала свой диплом в шкаф и выучилась на психолога. «Какой я на фиг мостостроитель?» – заявила она. Как будто не было пяти лет сложнейшей учебы, она даже пробовать работать не стала. Легко смогла перестроиться и начать заново учить-

ся. Сейчас она работает психологом в центре помощи трудным подросткам. Каким-то образом умудрилась родить двоих детей, и пока они в садике, занимается чужими трудными детьми.

– Я буду кофе, с коньяком хотелось бы, но я за рулем, поэтому просто кофе. Где там мамины котлеты?

– В холодильнике, достань.

Значит, точно мама прислала, видимо, экстренно, за котлеты. Машка любитель маминых котлет, и вообще она больше похожа на ее дочь, чем я, может, нас в роддоме перепутали?

– Я серьезно, собирайся. Я без тебя не уеду. Поживешь у меня. Работа для тебя тоже нашлась. В Репино, от меня вообще недалеко. Хватит умирать в своем замке. Сидишь, ждешь его как дура, а он не придет. Ты что, Игоря не знаешь? Он упертый, ошибок своих не признает, да и вообще ему эти твои страдания по барабану.

– Что за работа? – вяло спросила я. После прошедшей истерики у меня совсем не было сил спорить. Да и если не сегодня, то завтра точно надо отсюда уезжать. Я не тот человек, который закроется в доме и будет отстреливаться, защищая свое. Вот маму бы отсюда только мертвую вынесли. Она бы до последней капли крови свой дом не отдавала. А потом подожгла бы напоследок, если бы проиграла. А я из тех, кто обижается, плачет и делает как говорят.

– У Олега на работе какой-то форс-мажор. Ему срочно

нужен дизайнер. Ты у нас девушка со вкусом и художественным образованием, подойдешь. Ты вон какую красоту у себя сделала. И тут справишься. Олег уже договорился.

Олег – это Машкин муж.

– Когда это вы успели сделать? С момента, как мама узнала, что меня выселяют, прошло часов пять. А у меня уже есть работа.

Мой вопрос остался без ответа. Машка была занята поеданием маминых котлет. Она отрицала мои страдания и никак не хотела признавать мою депрессию. За эти полгода она вытаскивала меня из дома своими психологическими штучками и заставляла, как могла, возвращаться к жизни. Я очень благодарна ей за старания, но можно я пока просто побуду одна?

За час я была умыта, одета и собрана. Спорить с Машкой было выше моих сил.

– Тебе нужно уехать из этого мавзолея семейной жизни. Потом вернешься за остальными вещами.

Машка хотела меня посадить в своего красного жука, видимо, до конца не верила, что я с такой легкостью соглашусь, и боялась моего бегства, но я сказала, что поеду на своей машине. Я без машины как без ног.

В салоне пахло счастливой жизнью – кожей и моими духами, я уже и забыла, как они пахнут. Последнее время я мало ездила, поэтому с превеликим удовольствием нажала на газ. Когда я закрывала ворота, в последний раз посмотрела на

свой дом, сад, пруд и качели под яблоней и пообещала, что оставлю здесь свою грусть, печаль и тоску. Я научусь жить без Игоря и буду счастлива.

Прощай, мой милый дом.

* * *

Машка живет на Савушкина, в большом доме, на пятнадцатом этаже. Стеклянные джунгли новостроек в очередной раз впечатлили меня своей похожестью. Совершив несколько кругов по дворам, я таки припарковалась.

– Ну ты что, совсем в своей деревне парковаться разучилась?

Кстати да, загородная жизнь изменила мое отношение к городу-герою. Обилие людей и машин стало действовать на меня угнетающе еще до того, как я вошла в анабиоз печальной брошенки.

Нас встретил черно-белый хаски. Как только мы вышли из лифта, он учуял хозяйку и залился радостным лаем. Я обожаю эту породу, Джек – великолепный пес. Я всегда мечтала о собаке. В детстве это было категорическое *нет* от мамы, а потом я ждала, пока построится дом. А вот что не дало мне реализовать мечту после переезда? Ах да, Игорь был против, мы много путешествовали. Он говорил: будут дети – будет собака.

Следом за Джеком прибежали дети – Мишка и Гришка,

похожие друг на друга как близнецы, но они такими не были. Миша старший, ему шесть лет, и он похож на медвежонка. Лохматый, кудрявый и очень подвижный толстячок – его милое круглое личико так похоже на Машкино. Я помню ее такой в первом классе, когда мы стояли на линейке и у нее двигалось все.

Гриша при тех же кудрях, лохматости и припухлостях, имея поразительную внешнюю схожесть с матерью и братом, обладал темпераментом отца.

– Ура, мама пришла! – кричал Миша и бегал вокруг нас.

– А что ты нам принесла? – спрашивал Гриша со взглядом рыжего кота из мультика «Шрек», когда я наклонилась его обнять.

– Джек, заткнись, хватит лаять, тупая собака, – пыталась перекричать детей и собаку Машка. – Фу! Я сказала, *место!*

– Мне очень стыдно, дети, но я ничего вам сегодня не принесла, завтра обязательно исправлюсь, – мне действительно стало стыдно, что я про них вообще забыла.

– Привет-привет, – это вышел отец семейства Олег.

Мы дружили семьями много лет. И хоть изначально Машка была моей подругой, мужьями мы обзавелись в один год и часто бывали в общих компаниях.

– Дети, за мной, пошли дальше собирать железную дорогу, – сказал Олег после того, как сначала поцеловал жену, а потом обнял меня. Дети с радостными визгами побежали наперегонки обратно в комнату.

– Пойдем, дорогая, на кухню, отпразднуем твой переезд, я успела прихватить из твоего дома бутылку вина и мамины котлеты.

Когда она успела это сделать, если каждую минуту стояла у меня над душой и контролировала сборы?

Элегантная барная стойка разделяла пространство между кухней и гостиной, на ней уже стояли бутылка вина и контейнер с котлетами.

К слову, мы обе любили пожрать, только я всегда контролировала себя и жестко следила за тем, что попадает мне в рот, а вот Маша ни в чем себе не отказывала. Результат был виден в фигуре, но не в радости жизни и любви к себе. Я находила в себе тысячу изъянов и безжалостно их истребляла. А Машке было пофиг. Она любила себя и жизнь и была абсолютно счастливой с двадцатью лишними килограммами.

– С завтрашнего дня на диету, – неожиданно для себя заявила я. – Новая жизнь так новая жизнь. Проще всего начать с того, что я умею делать, – худеть.

– Я тебе как психолог заявляю: диеты – это зло.

– Ты детский психолог, откуда эти знания?

– Я все знаю.

– Смелое заявление, я вот ничего не знаю, кроме того, что у меня лишних килограмм пятнадцать, а то и больше, и сами они никуда не денутся.

К котлетам на столе добавились еще контейнеры – очень похожие на мамины.

– Ну не пропадать же добру, тетя Зина велела всю еду забрать, она ж свежая. А мне сегодня не до готовки, у нас все сожрано, – приговаривала Машка, открывая контейнеры, и с пристрастием осматривала содержимое.

Это точно, у Машки никогда ничего не пропадало. Я наполнила бокалы и произнесла:

– Я хочу выпить за тебя, моя подруга, спасибо за все. Ну и за новую жизнь.

– За нас!

У моих ног улегся Джек и очень грустными глазами смотрел на меня и на котлеты.

– Ничего ему не давай, он на диете. С этими породистыми собаками сплошной головняк. Я его на натуральный корм перевела, здоровее будет. А то он на корме все заблевал.

Огромные голубые глаза смотрели на меня, и вся грусть собачей жизни читалась в них. Хотя бы одну котлетку...

Дети бегали туда-сюда, показывали мне свои игрушки, по очереди залезали ко мне на колени и задавали вопросы.

– А ты к нам надолго?

– Не знаю, думаю, на пару недель.

– Ура!

– Ты можешь оставаться столько, сколько надо. Мы все время на работе. Олег не против, он уходит в семь, а приходит в десять вечера. А мой график ты знаешь.

– Спасибо.

– Давай составим план, я тебе как психолог говорю, что

тебе нужна цель и новый план.

– Зачем?

– Чтоб жить дальше.

– А нельзя просто жить?

– Можно, но с планом легче.

– Хорошо, давай составлять план моего выхода из жопы в счастливую жизнь, – согласилась я и разлила остатки вина по бокалам. – Доставай вторую бутылку, спертую у меня из дома.

– Почему спертую – взятую. И я не говорила, что взяла две.

– А я сама догадалась и почти уверена, что ты взяла все, что были, а это как минимум три.

– Ты что, против? Сама же пьешь. Я просто быстрее сообщила, что у меня дома вина нет, а поводов его выпить как минимум три: переезд, развод и новая работа, – перечисляла Машка, доставая из пакета следующую бутылку вина.

– Мы это вино привезли из Испании, оно безумно дорогое. Хотели им отпраздновать мою беременность, но у судьбы другие планы. Отпразднуем развод, – сказала я и с грустью уставилась на бутылку.

– Так, гони прочь эти мысли. Мы сегодня празднуем начало новой жизни, а не вспоминаем старую. Давай план составлять. Чего ты хочешь от жизни? – сказала Машка и с хлопком открыла игристое вино, которое тут же налила в те же бокалы.

Игорь бы подавился от такого кощунства. Он разобрался в вине, был ценителем и пытался просвещать меня. Но в этом была вся Машка: нюхать вино и смаковать нотки чего-то там было ей не свойственно.

– Я не знаю, чего хочу. Я думала, что хочу ребенка, но после того как Игорь ушел, я испытала облегчение, что эта гонка за беременностью прекратилась. Я еще утром хотела лежать и оплакивать свою разбитую семейную жизнь. Я скупачила по Игорю и ждала его возвращения, а теперь я у тебя на кухне пью вино и ничего не чувствую.

Слезы сами по себе потекли у меня по щекам, я стала их вытирать руками. Машка протянула мне салфетки и строгим голосом сказала:

– Плачь, план меняется, будем изгонять сырость из твоего тела, потом план. Сколько ж в тебе слез, мать?

Под вторую бутылку вина за триста евро я рыдала в голос так, что в какой-то момент Джек стал подвывать, а дети перестали бегать и затихли на диване. Две пары глаз наблюдали за мной из-за спинки дивана со страхом и любопытством одновременно, как могут только дети.

На моей фразе: «А еще я никогда не нравилась его маме, и теперь она может быть довольна», – под мои затухающие всхлипывания Машка открыла третью бутылку и произнесла:

– Надеюсь, это просто вино и с этой бутылкой ничего не связано.

Зашел Олег и сел рядом.

– Детей пора спать укладывать, но я не могу, Олежка, уложишь, а? Тут такие слезы, что не оторваться, я уже и сама поплакала.

Мы сидели за столом, обе заплаканные и пьяные, зрелище то еще.

– Не печалься, мать, все будет хорошо. Поживешь у нас, оклемаешься, мы тебя снова замуж выдадим, за нормального мужика.

– А что, Игорь был не нормальный?

– Нет, но он какой-то неживой был, и ты с ним радость жизни потеряла. Работу я тебе нашел хорошую, все как ты любишь. Мой начальник – мужик золотой. Я три года у него работаю. Дом достроил, осталась отделка. Он там уже жил с семьей, но случился скандал у него с женой, и она пропала. Говорят, уехала жить в их питерскую квартиру. Трубку не берет, когда я ей звоню. У меня работа полным ходом – она мне давала основные инструкции по оформлению. У нее две девочки дизайнера были в помощницах, но их Валерий Петрович в тот же день уволил и сказал мне самому разбираться или искать новых. Я пока никого не нашел, а сам не знаю, что делать. Голова лопается. Так что ты мне очень поможешь.

– Думаешь, я справлюсь? – заплетающимся языком спросила я.

– Конечно, справишься! Разве есть другие варианты?

– Так я же не по этой части. Я бухгалтер! Кстати, отлич-

ный главный бухгалтер, может, ему такой нужен? Вдруг он поймет, что я вообще не бум-бум?

– Ты бум-бум! Не бойся. Слушай, тебе нужна работа? Мужик золотой, а ты талантище, тем более ты же когда-то это делала для себя в своем доме.

Вот так лихо Олег сделал из меня дизайнера, и не имеет значения, что я этим занималась один раз, для себя. Все-таки у них с Машкой много общего.

Время близилось к полуночи, дети уложились, вино выпилось, слезы высохли, и мы как-то незаметно стали вспоминать старые времена и смеяться. И тут в мой очень пьяный мозг пришла идея, которую я озвучила, прежде чем успела додумать:

– А я тебе показывала, на кого меня Игорь променял?

– Нет, говорила, что это тетка, которая пришла вместо тебя.

– Давай я тебе ее покажу!

Мне нестерпимо сильно хотелось услышать от Машки, что я лучше. А еще что она по фотографиям видит, что она плохая. И Игорь скоро одумается и приползет на коленях обратно. Не менее пьяной Машке эта идея тоже понравилась. Сейчас нет никакой проблемы найти человека в интернете. Через пять минут мы оказались на странице Танюшки-Ягодки. Лайф-коуч. «Трачу лучшие годы на счастье», – гласила ее страница.

– А как это – главбух-коуч? Я таких раньше не видела. Она

еще и психолог? – вмиг оскорбилась за профессию Машка. Разве можно совмещать?

– Я не знаю, первый раз слышу. Она все может. А еще говорят, женщине с ребенком сложно найти мужика. Как можно начать отношения с женатым мужчиной?

С экрана на нас смотрела улыбающаяся женщина. Много фотографий ее и детей. Мы просмотрели их все. Молча. А еще на нескольких последних появился Игорь. Идиллические картинки, как они вместе гуляют по парку, пронзили меня в самое сердце. Я задыхалась от боли. Веселье от желания подсмотреть чужую жизнь вмиг улетучилось. Зачем я туда полезла? Она украла мою жизнь – эта мысль пульсировала у меня в мозгу. Ой не стоило сюда лезть...

– Да она тебе в подметки не годится, посмотри, какие у нее морщины, и вон седина видна. А еще у нее явный лишний вес, – пыталась подбодрить меня Машка.

Но это все не помогало. Я видела счастливую влюбленную молодую женщину. Без морщин и лишнего веса, это все Машка для меня пристально рассматривала. Я так хотела быть на ее месте. Лучиться счастьем. А Игорь? Я его таким никогда не видела. Или видела в молодости, но не помню этого? Он смотрел на нее с обожанием.

– Так и хочется поставить лайк на это фото счастья на костях, – грустно сказала Машка и попыталась попасть пальцем в сердечко.

– Нет. Ты что? Она ж увидит, что это я смотрела. Я не

доставлю ей такой радости. Я и так уничтожена в хлам. Это был контрольный выстрел в голову, – сказала я и выключила телефон.

– Пора спать, утро вечера мудренее, – сказала Машка и шатающейся походкой удалилась в спальню.

Я убрала посуду со стола в посудомойку, а еду в холодильник. Под грустным взглядом собаки в холодильник отправились остатки котлет.

Я пошла спать в детскую комнату, где меня ждал расстеленный диван. Джек засеменял за мной. Ему строго-настро-го было запрещено входить в детскую, но, как и все в этом доме, он не был приучен к порядку.

Пустота. Пустота в голове, в сердце и в мыслях. Завтра новый день, надеюсь, мне станет легче. И я найду в себе силы его пережить.

Глава 2

Утром в назначенное время я остановилась у высоких глухих ворот из серого штaketника и посигналила. Ворота медленно начали отъезжать в сторону.

Вчера вечером Олег скинул мне адрес и телефон моего нового заказчика и сказал:

– Завтра в 9:00 он ждет тебя.

Ворота открыли моему взгляду невероятную картину: в конце участка, за соснами возвышался дом, впечатляющий своим величием. Трехэтажная центральная часть и флигели вполовину меньше по обе стороны окрашены в песочный цвет, а перед ними белые колонны. Он чем-то отдаленно напоминал Юсуповский дворец на Фонтанке – не такой большой, но архитектор явно был им вдохновлен, когда рисовал этот дом. Полукруглый пандус с двух сторон подходил к крыльцу на уровне второго этажа и превращался в балкон. Возникало ощущение, что туда должна подъезжать непременно карета и высаживать гостей сразу у бальной залы.

Я остановилась в нерешительности, проехав метров двадцать от ворот, которые сразу закрылись за моей машиной. Участок был огромный, сколько соток – так сразу и не скажешь, но не меньше пятидесяти. Снаружи этого было не понять, пока я ехала по узкой дороге вдоль забора, мне казалось, что это просто один и тот же забор у нескольких домов.

Сколько же участков куплено в этом поселке и объединено общим забором? Рядом соседствовали обычные дома, те, что я видела, проезжая, были похожи на мой, а этот особенный. Само месторасположение тоже было чудным, я и не думала, что здесь есть жизнь. В самом Сестрорецке я бывала не единожды, но это место без навигатора не нашла бы никогда.

Я осмотрелась и поехала дальше по аллее. И через минуту оказалась на круглой площадке, середину которой занимал фонтан. Сейчас он не работал, а центральная фигура была закрыта деревянным чехлом, но я не сомневалась, что там скульптура уровня фонтанов Петергофа. На площадке стояли еще две машины. Я заглушила мотор и вышла.

Оглядевшись по сторонам, ошеломленная открывшимися масштабами работы, я даже представить себе не могла, что я тут могу сделать. Ах, Машка, в какой блудняк ты меня втянула? Я по-прежнему не понимала, куда двигаться дальше. Я стояла и наслаждалась красотой, к масштабам которой я оказалась не готова. Солнце затерялось где-то за тучами, накрапывал дождик, а свежесть прохладного воздуха пробирала до косточек.

Когда я уже было собралась доставать телефон и звонить хозяину этого великолепия, за спиной раздался голос:

– Здравствуйте. Ольга? Валерий Петрович, можно просто Валера, пойдемте, я покажу вам дом.

И бодрым шагом направился к входу. Сразу стало понятно, что к возражениям этот человек не привык. Я последова-

ла за ним, успев отметить его высокий рост, загорелую лысину и по-военному прямую спину.

Мы зашли в дом через вход на первом этаже. Он был не так примечателен, как тот, что сверху. Задумка архитектора была очень смелой – выделить часть дома для гостей, оставив остальной дом закрытым для тех, кого туда не приглашали. Большая часть второго этажа центрального корпуса представляла собой просторную комнату, предназначенную для светских приемов. Также там были туалеты, гардеробная и несколько подсобных помещений – но все эти интересности я успела изучить позже.

Как я узнала потом, жена Валеры регулярно устраивала благотворительные приемы для сбора денег нуждающимся детям, и ей было важно, чтобы это не мешало жизни семьи. Гости сразу оказывались там, где им нужно было быть. Без знания о скрытых от глаз дверях гости не могли спуститься вниз или подняться наверх.

Первый этаж был в виде холла, центром которого являлась роскошная лестница; по обе стороны от нее просматривались массивные деревянные двери.

– Я хочу, чтоб вы обставили дом, выбрали цвет стен, вдохнули немного жизни в это жилище. Это проект, в нем есть все. Так вот, задание сделать так, чтоб в моем доме не осталось и следа этого проекта, – закончил Валера и протянул мне толстенную книгу.

– Это значит, переделывать сделанное? – начала уточнять

я.

– Папа, – раздался тоненький голосок из-под лестницы, оттуда появилась девочка лет пяти и бросилась на руки к отцу. Он подхватил ее, как пушинку, и закружил. По дому покотился звонкий радостный детский смех.

– Ах ты моя хулиганка, опять спряталась под лестницей от бабы Нины? – сказал он с невероятной нежностью в голосе. Как будто не он только что давал задание стереть следы работы матери этой девочки.

Очень странная история, надеюсь, эта женщина не закопана где-то в саду. С него станется, он похож на Синюю Бороду в этом прекрасном замке. Что же у них случилось? Очень интересно... Прожить вместе тридцать лет, вырастить двоих детей и построить такой дом. А потом девочку удочерили – и развод? «Как-то не складывается у меня картинка», – думала я, пока Валерий Петрович щекотал и кружил смеющегося ангела.

Вчера Олег пытался мне что-то рассказать про хозяина дома и его жену, но, честно говоря, слушала я вполуха, надо будет вечером подробно его расспросить. Вдруг они через неделю помирятся? Тогда не придется мне тут ничего придумывать. Ох, как мне сейчас нужна эта работа. Но от мысли, что моя афера вскроется и все поймут, что никакой я не дизайнер, у меня засосало под ложечкой.

– Я там играла. А можно мне стены покрасить в желтый цвет, а потолок в голубой? И чтоб со звездочками?

– Конечно, вот тетя Оля, расскажешь ей все свои фантазии, и она воплотит их в жизнь. А это Соня, – повернувшись ко мне, сказал Валерий Петрович. – Ваш основной заказчик. Этот дом прежде всего для нее, поэтому ей должно нравиться.

Он посадил девочку себе на плечи и пошел к самой правой двери.

Мне понадобился не один день, чтоб разобраться в хитро-сплетениях этих бесконечных дверей. Но в тот день мы начали мое знакомство с домом с правого флигеля, строительство там внутри было не закончено.

Валерий Петрович с Соней на плечах водил меня по дому, и мне казалось, что он бесконечный.

– На первом этаже в одном флигеле бассейн, в другом СПА-зона и спортзал, они еще не достроены, сейчас делают гидроизоляцию в чаше бассейна. Еще там есть две гостевые комнаты, кухня, столовая и мой кабинет, ну и там всякие кладовки и туалеты – эти помещения уже готовы под отделку. Мои кабинет и спальню пока не трогайте, по ним инструкции будут позже, – говорил строгим голосом Валерий Петрович, пока водил меня по всем этим комнатам.

– Спальни членов семьи находятся на третьем этаже. Их тут восемь. Основное свое внимание обратите на Сонину комнату, с нее, пожалуй, и начните. Все остальное по мере возможности. В общем, будут вопросы – обращайтесь, звоните, я поздно прихожу и рано ухожу, живу на работе. Это

вот сейчас хотел вам лично все показать и познакомиться, я без этого в дом никого не пускаю. Мне важно, чтобы человек хороший был, кто в доме работает. Я каждого рабочего здесь знаю, я не параноик, но у меня врагов много. Кстати, к обеду мой юрист придет с вашим контрактом, там есть раздел про конфиденциальность – внимательно почитайте.

От такого поворота событий я напряглась. Ладно, почитаю. Может, на том все и кончится, если там есть раздел про образование, сертификаты и все то, что должно подтвердить мою компетентность.

Как будто прочитав мои мысли, Валерий Петрович сказал: – Не переживайте, Ольга, это простая формальность, я хорошо разбираюсь в людях, иначе не имел бы всего этого. В определенном возрасте понимаешь, что отношения лучше и крепче, если прописать договоренности.

– Я никогда не сталкивалась с этим, – сказала я и прикусила язык. Это фиаско, сейчас он поймет про меня все и выгонит с позором. – Ну, просто я никогда не работала на таком большом объекте и сама напрямую, без фирмы, – начала было оправдываться я.

Но Валерий Петрович, в очередной раз прочитав мои мысли, перебил меня:

– Да это неважно, Олег сказал, что вы остались без работы, и это первый опыт прямого сотрудничества. Я понимаю, за шесть лет строительства этого дома я сменил трех прорабов, двух архитекторов и четырех дизайнеров, сейчас мне нужен

не столько ваш опыт, сколько желание и чтобы человек был комфортный. А вы мне нравитесь, да и за три года, что у меня работает Олег, я научился ему доверять. Пойдемте, я познакомлю вас с остальными жителями этого дома.

Вот его комфортным человеком не назовешь, взгляд как рентгеновский аппарат.

– Ну-ка полетели, ух, кто здесь будущий летчик, а?

– А-а-а, давай еще быстрее, – заливалась счастливым детским смехом Соня, пока отец бежал с ней по лестнице.

Разведя руки в стороны и имитируя жужжание самолета, Соня подпрыгивала на плечах Валерия Петровича. А я с ужасом на это смотрела, вот бы только не упали, и спешила за ними на первый этаж.

Внизу у лестницы стояла пожилая женщина с видом доброй учительницы. Седые волосы убраны в строгий пучок, темная юбка, светлая блузка и туфли на низком каблуке – все это вместе делало ее похожей на постаревшую Мэри Поппинс. Увидев смеющуюся Соню, она расплылась в улыбке, и стало понятно, что и она обожает девочку.

– Я тебя обыскалась, пора маячок ставить, а то мне так до инфаркта недалеко. В этом доме тебя можно неделю искать, – сказала она, принимая ребенка на руки с плеч отца.

– Нина Павловна, познакомьтесь – это Ольга, наш новый дизайнер.

– Очень приятно, – сказала я и протянула руку. Но потом поняла нелепость жеста и убрала ее. Руки женщины были

заняты ребенком.

– Вы завтракали? Вот эта маленькая девочка – нет, я сейчас буду ее кормить, могу и вас заодно чаем напоить. Наша Зоя такие сырники напекла! Валера, можно забрать твою новую работницу? Ты, кстати, сам ел?

– Забирай. Нет, не ел, но мне пора. Расскажи Ольге про наши правила, где что, скоро приедет Олег, она с ним и приступит. Я в кабинет работать, – сказал Валерий Петрович и, поцеловав Соню, скрылся за одной из дверей.

– Пойдемте, Ольга, кухня у нас там, – сказала со вздохом сожаления Нина Павловна и указала налево.

Мы прошли через пустую комнату – столовую и оказались в просторной кухне. От ее величественности у меня захватило дух. Сразу бросился в глаза очаг, выложенный из серого камня, в недрах которого скрывалась современная газовая плита на шесть конфорок. Духовка внизу была больше похожа на старую печь, чем на современную технику. Деревянные шкафчики темно-коричневого цвета по нижним контурам П-образной кухни были так состарены, что не возникало ни малейшего сомнения – это очень дорогой дуб. То ли сильно замороченный дизайнерский ход, то ли антиквариат, подобранный под размеры кухни, так сразу я не поняла.

Огромная белоснежная керамическая раковина с медным краем напротив большого окна была такой простой и красивой одновременно, что очень захотелось к ней прикоснуться. Общее ощущение от этого места было – как будто

ты в старом замке и это кухня английского короля, не иначе. Старая добрая классика с вкраплением прованса мгновенно рождала желание тут что-нибудь приготовить.

В кухне пахло вкусной едой. Запах сырников заставил меня почувствовать себя очень голодной, с утра я выпила лишь кофе. Купила его по дороге на заправке. Массивный прямоугольный стол был накрыт белой скатертью. В центре стола стояла ваза с фруктами.

Между столом и плитой широкая женщина ловкими движениями перекидывала сырники со сковороды в белое фарфоровое блюдо с золотой каемочкой. В блюде их уже было достаточное количество. От сырников исходил пар и волшебный запах. Рядом стояла розетка с вишневым вареньем и стеклянная баночка со сметаной. Белоснежный кофейник и молочник тоже стояли на столе, который был сервирован на двоих. Я уловила на этой кухне домашний и родной запах моего детства. Пусть в нем не было кофе – там был чай с мятой, но именно так пахло у бабушки в деревне.

– Это Зоя, а это Ольга, – представила нас друг другу Нина Павловна.

– Здравствуйте, Зоя. От ваших сырников запах по всему дому, сразу захотелось попробовать эту вкуснятину, – сказала я.

– Садитесь, здесь на всех хватит.

– А можно мне со сгущенкой? – спросила Соня.

– Сейчас, моя ягодка, тебе – с чем пожелаешь. Только чур

сегодня хотя бы три штуки съешь, а то я тебя знаю, ешь как Дюймовочка, – сказала Зоя и полезла в холодильник, который снаружи выглядел как антикварный шкаф.

Мне дали кружку с блюдцем и тарелочку для сырников, которые оказались под стать запаху – вкусные, с аппетитной корочкой. Очень необычно было сидеть на этой кухне, в сердце такого странного дома.

Было ощущение, как будто я так давно знаю этих людей. Зоя очень похожа на мою бабушку из детства, какой я ее помню. Она так же жарила мне сырники и оладушки, а потом обижалась, если они мгновенно не съедались. Обе женщины наперегонки пытались накормить Соню, с уговорами, шутками, прибаутками – не успокоились, пока три сырника не были съедены. У меня проблем с аппетитом не было, и я успела сбиться со счета, поедая обильно политое сметаной лакомство. Машкины дети умяли бы это блюдо за пять минут, и уговаривать не пришлось бы.

За то время, что я провела на кухне, туда постоянно кто-то заходил. Оказалось, что из столовой есть выход на улицу, на террасу. Этим ходом пользовались рабочие и домашние для скорейшего проникновения в самое вкусное место в доме. В какой-то момент я перестала запоминать, кто из них кто и как кого зовут. Каждый получал кружку с кофе или чаем и тарелку с сырниками или бутерброд.

– У нас в одиннадцать завтрак, а в три обед. Все, кто работает в доме, едят на кухне. Ты тоже не опаздывай, Зоя так

вкусно готовит, что все съедается мгновенно, – сказала мне Нина Павловна и повернулась к девочке: – Ну что, Сонечка, пойдём? Оденемся и погуляем, за молоком в деревню сходим. У нас тут недалеко есть фермерское хозяйство, экоферма, как ее модно сейчас называть. Мы с Соней туда каждый день ходим, а иногда и два раза на дню. Соня животных любит, а они обожают ее, там можно их покормить и поиграть с ними.

Когда на кухне появился Олег, я пребывала в лирическом настроении. Мне было страшно, но не терпелось начать. Меня всегда интересовал дизайн. Я покупала специальные журналы и ходила на выставки мебели еще до того, как мы начали строить наш дом и это стало нужно для его обустройства. Почему я никогда не думала начать учиться? У меня закончена художка с отличием, ну, в общем, как и все, что я закончила, но я не рисовала целую вечность.

Мама выбрала для меня институт – в те годы нужны были экономисты, и я пошла, даже не думая перечить маме. Она своим напором быстро справлялась с моим сопротивлением. А мне в те годы нравилось рисовать, и я мечтала поступить в академию Репина или Штиглица и посвятить свою жизнь искусству.

– Кому нужны твои художники? Ты что, учителем из школы работать хочешь? Спустись с небес на землю. Получи диплом нормального института. Малевать дома свою мазню никто тебе не запрещает, – сказала мне мама. А я, может,

и хотела детей рисованию учить, что в этом такого? Но для мамы это было карьерное днище, а значит – не для меня. А спорить с мамой я тогда не умела, да и сейчас не умею.

Потом я познакомилась с Игорем на пятом курсе, и он быстро организовал мое бросание аспирантуры, которую для меня намечтал папа, и отправил меня на курсы бухгалтеров. Мне было в новинку не слушать родителей, слушать Игоря было приятно. Влюбленность моя не знала ни конца ни края. Он тогда начинал свой бизнес, денег не было совсем, а без бухгалтера ему было никак. Вот он и организовал семейный подряд. Мне нравилось ощущение совместного дела, я верила, что это наш путь к успеху, но бухгалтерию никогда не любила.

От этих воспоминаний мне стало грустно. Как-то так получилось, что сначала мной руководила мама, а потом Игорь. У меня нелюбимая специальность, нет дома и детей, и это все не мой выбор. И даже сейчас Машка организовала мне жилье и работу. Неужели я сама ни на что не способна? Из осознания этого грустного факта меня вывел голос Олега:

– Эй, мать, ты что, решила тут свои мокрые дела разводить? Ты это брось, пошли работать.

У Олега была тысяча вопросов: цвет краски, коллекции плитки и тому подобные, – которые некому было задать последние две недели – с тех пор как в доме разразился скандал и хозяйка пропала. Это тормозило работу. Было непонятно, возвращать ли все заказанное или эти материалы еще мож-

но применить, но по-другому. Что делать с мебелью, которая выбрана, оплачена, но еще не поставлена? Я мелким почерком записала все горящие вопросы в свой ежедневник. На пункте сорок восьмом я поняла, что пора остановиться.

В голове роем крутились мысли, я пыталась составить план действий. В любом случае надо начинать с главного – с Сониной комнаты. Туда я и направилась после двух часов записывания вопросов Олега и сидела, обдумывая варианты. Проект решила даже не смотреть, боясь впасть в ступор от его идеальности: я точно не смогу его придумать, значит, о похожести переживать не стоит.

После обеда, чтоб собрать мысли в кучу, я решила прогуляться, да и хотелось размяться.

Если я буду так есть, не то что не похудею, а еще больше наберу. Едва сырники успели провалиться на дно желудка, как пришло время обеда. Я хотела его пропустить, но Олег нашел меня в Сониной комнате и скомандовал идти на кухню. Вкуснейшие щи и картошка с мясом на второе мгновенно заставили меня забыть о своих похудательных планах.

Во время обеда я успела всех пересчитать и, надеюсь, запомнить. Там был Семен – муж Зои, усатый дядька в синем комбинезоне, очень напоминающий Марио из компьютерной игры моего детства. Он в доме отвечал за порядки, завхоз, одним словом, так он и представился, а потом подмигнул мне. И очень похожие друг на друга три работника с одинаковыми именами: Иван-сантехник, Иван-электрик и

Иван-плиточник. Каждый был занят своим делом, но стоило Олегу громко крикнуть: «Иван!» – как оборачивались все трое. Еще были Боря и Коля, но что они делали, я пока не поняла. Красили? Ну может быть.

Так вот, выйдя на улицу через двери столовой, я оказалась с обратной стороны дома, на террасе, за которой высился сосновый лес. Дождик прекратился, и сквозь тучи стало проглядывать солнышко. Пряный сосновый воздух манил пройтись вглубь. От террасы отходили три дорожки, я выбрала крайнюю правую и пошла по ней. Дорожка начала уходить вниз, и я поняла, что дом стоит на горке. Минут через десять дорожка уперлась в забор и повернула вдоль него. Отсюда дом не проглядывался, только сосны и елки вокруг. Я подумала, что дорожка сделает круг и вернется обратно к дому, поэтому очень удивилась, когда она уперлась в калитку.

Мне стало очень любопытно, и я взялась за металлическую ручку калитки. Легко и бесшумно дверь открылась, а дорожка за ней продолжилась, только имела совсем другой вид. Дикие кусты по краям, деревья – похоже, яблони, и почти сразу показался дом. Деревянный, двухэтажный, со стеклянной верандой на полдома, это был типичный дачный домик, которых в этих краях много. Краска давно выгорела, а местами даже отвалилась, сквозь нее просвечивала деревянная чернота, но когда-то он был синий, а рамы и резные оклады – белыми.

Общее состояние ветхости и заброшенности дома, ставни

на окнах, а также кустарник вокруг давали понять, что здесь давно никто не живет. Прошлогодня листва и трава плотным ковром покрывали землю и даже попадали на крыльцо дома. Тропинка огибала дом с правой стороны, я решила еще немного по ней пройти. Атмосфера таинственности захватила меня, а любопытство взяло верх над осторожностью.

Домик остался позади, между кустами стали проглядывать сосны. Пройдя совсем чуть-чуть, я оказалась на берегу озера. Здесь ощущение уединения сразу пропало. Стало видно, что забор по краям отделяет этот участок от десятка подобных. Только дома на них уже новые. Интересно, почему здесь еще не построено что-то подобное? Участок хоть и небольшой, но если его расчистить, такой вид будет – мечта!

– Красивый вид, правда? – услышала я голос Валерия Петровича и дернулась от неожиданности.

Погруженная в свои мысли, я не заметила скамейки, которая едва проглядывала в кустах. На ней сидел мой новый начальник и пристально смотрел на меня. Он был совсем не похож на того человека, с которым я познакомилась утром, то был хозяин жизни, уверенный в себе, излучающий власть и силу – представитель сильнейших мира сего. А сейчас на меня смотрел раненый зверь, усталый, побитый и такой несчастный, что я не сразу его узнала. Это неожиданное превращение поразило меня, и я несколько секунд соображала, что сказать.

– Невероятно красивый вид, и само место тоже особенное

– нездешнее, что ли, – сказала я, когда способность говорить вернулась ко мне.

– Присаживайтесь, расскажите, что вы здесь искали.

– Я шла по тропинке и увидела дверь, стало интересно, что там. Увидев заброшенный дом, я подумала, что здесь никого нет, и пошла дальше. А тут вы.

– А тут я...

Я села на скамейку на максимальном расстоянии от Валерия Петровича, он пугал меня, ей-богу Синяя Борода.

– Это мой дом. Я купил этот участок относительно недавно, года два назад. Первый раз я появился в этом месте лет тридцать назад. Участок, соседний с этим, был дачей родителей жены. Значительно позже, когда появилась возможность, я купил соседний с ним участок и построил там первый дом. Дети только родились. Тесть с тещей под боком, а я сам себе хозяин. А еще я для них всегда деревенский парень был, беднота, а тут стал зарабатывать. Потом за пятнадцать лет я купил еще четыре соседних участка. Тесть с тещей к тому времени умерли, дети выросли, а я объединил все участки в один и построил огромный дом. Только этот участок никак было не купить.

Его бывшая владелица ни в какую не хотела продавать мне свой сарай, я уже отчаялся. Думал, она будет жить вечно. Даже не представляю, сколько ей было лет, когда ее настиг инсульт. Бабка – Бабаня, как ее называли, отличалась очень упрямым нравом. Но ее тут все обожали, особенно дети. Мне

жена рассказывала много историй из детства, как они к ней сюда всем садоводством прибегали, а она их чаем поила и истории про войну рассказывала. Я хотел здесь все снести, но руки так и не дошли. Я стал приходить сюда, сидеть на этой скамейке. Это особенное место, как в детстве. А сейчас я рад, что ничего здесь не тронул.

Я ничего не ответила, мне стало обидно за бывшую владелицу этого прекрасного дома, совсем даже не сарая. Я понимала, почему она не хотела его продавать; такие, как Валерий Петрович, все измеряют деньгами, старый – значит плохой. Но то, что у этого дома есть душа и история, его вообще не трогало. А меня трогало. Я вообще сама с трудом расстаюсь с вещами и с людьми.

Мы молча сидели на лавочке, каждый думал о своем. Что было в голове у хозяина этого великолепия, я не знала, я вообще перестала понимать этого человека. Утром он показался мне жестким властителем мира, хозяином дворца, знающим, чего хочет, и контролирующим всех и вся. А сейчас я видела живого человека, который страдает. Видимо, он приходит сюда, чтобы снять маску непобедимого. Он, как и я, переживает крушение своей семейной жизни.

Мои же мысли плавно перетекли к моему дому. Кто будет в нем жить после продажи? Будут ли они счастливы? Вырастут ли мои деревья или их срубят и закатают газон? Тоска незаметно накатила на меня с новой силой. Можно немного пожить с Машкиной семьей, но очень скоро придется начи-

нать жить одной. Ну или вернуться к родителям, если я не смогу сама. От этой мысли стало совсем тошно.

Почему Игорь бросил меня? Вычеркнул из своей жизни как ненужную вещь. У него новая счастливая семья, а как же я? Как верить людям и вообще в счастливую жизнь, если клятвы ничего не значат? Он обещал меня любить всю жизнь – и в горе, и в радости, как говорится, но этого хватило на тринадцать лет, и вот он уже новой женщине клянется в вечной любви.

Бросил меня в самый тяжелый момент, я ради него пожертвовала всем – эти бесконечные больницы, попытки забеременеть, два неудачных ЭКО. А теперь я на обочине жизни, а у него все отлично, как будто не было нас. Я старый сарай, меня можно снести, никто и не вспомнит.

Не знаю, сколько мы так просидели, из задумчивости меня вырвал звонок телефона. Это был Олег, который потерял меня и хотел озадачить новыми вопросами.

– Мне пора идти, – сказала я и встала.

– Можете сюда приходить, я вижу, вам тоже нужно. У Семена ключи от старого дома и калитки, обычно она закрыта, я скажу ему, чтобы дал вам.

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны.

Возвращаясь в новый дом, я шла и мечтала вернуться и посмотреть старый дом внутри. Обожаю атмосферные вещи, вдруг там есть старая посуда – может, Валерий Петрович разрешит мне ее забрать? Вряд ли ему там что-то нужно, раз он

собирается его сносить. А я, хоть и в печали, с непонятными перспективами на жизнь, с разбитым сердцем и разочарованием в людях, свою страсть к старью еще не потеряла, как оказалось.

В ту ночь, засыпая на диване в детской в Машкиной квартире, я прокручивала в голове события сегодняшнего дня и была довольна. Это был лучший день за последние полгода. А еще я впервые в жизни работала там, где мне было интересно. Где от моей фантазии и умений зависит радость маленькой девочки.

Глава 3

Я уже неделю работаю в доме Валерия Петровича. Втянулась в новый ритм, как будто всегда так жила. Казалось, не было этого полугодового выпадения в кровать, в жаление себя. Я легко вставала в семь утра и летела на работу, а раньше восьми не уезжала домой. По сути, я у Машки только спала. Новая работа увлекла меня с головой, и мысль о разводе отступила на второй план. Мне было так же больно, как и неделю назад, но сегодня у меня была интересная работа и Машкин дом. А еще я могла прямо сейчас не решать, как мне жить дальше.

Игорь подал заявление на развод в Приморский загс через интернет, о чем сообщил мне в СМС пару дней назад. Через месяц мы вместе должны там подписать это заявление. На этом все. Жирная точка после тринадцати лет семейной жизни.

Игорь милостиво разрешил мне забрать из дома все, что мне нужно. Я не хотела думать сегодня, забирать ли мне холодильник со стиральной машинкой. Я подумаю об этом позже. У меня есть месяц, чтобы решить, где жить и нужны ли мне там вещи из прошлой жизни.

Ну вот опять я начинаю плакать и жалеть себя. Как он мог так со мной поступить? Я не понимаю, как можно так резко вычеркнуть из жизни человека, которого любил. Или он ме-

ня никогда не любил? Зачем тогда было строить дом, планировать детей? Чем его новая женщина лучше меня? Она не молодая, не красавица, да у нее еще и двое детей! Почему она, а не я?

Отгоняя все эти мысли, я ехала знакомым маршрутом. Тут раздался телефонный звонок. Мама...

– Привет, дорогая, ну как ты? Неделю не звонишь, мы с папой волнуемся.

Да ладно, я только вчера слышала, как Машка из ванной комнаты громким шепотом докладывала тебе в подробностях все, что произошло у меня за неделю. Я не обижалась на подругу, знаю, что маме невозможно перечить. Ну и так хоть она звонила не мне, а Машке. Я с мамой вообще не могла разговаривать.

– Я – хорошо! На работу еду.

– Может, пора искать нормальную работу? Это же временная, сколько она продлится?

– Я не знаю, сколько эта работа займет времени. Если мы сработаемся, то до осени точно.

– Это все ненадежно, а вдруг тебя обманут и не заплатят?

– Как оказалось, в жизни вообще все ненадежно! Если ты хорошо слушала Машку, то знаешь, что Олег у этого заказчика работает три года! И вообще по деньгам вопросов нет. У меня с ним контракт на сорок листов. В нем прописано все, и моя зарплата в том числе, она более чем хорошая. Бухгалтеры зарабатывают меньше.

– Это Игорь тебе мало платил, ты больше десяти лет в бухгалтерии, у тебя красный диплом, ты столько училась. И ты не просто бухгалтер – ты главный бухгалтер. Я смотрела в интернете работу для тебя, там зарплата от ста тысяч. Хороший главбух всем нужен.

– Мам, а ты откуда знаешь, сколько он мне платил? Почему ты все время лезешь в мою жизнь? Мы были семьей, это просто был способ не платить большие налоги! – начала я оправдываться и защищать Игоря по инерции. Нет чтобы сказать: «Вот он сука»...

Он контролировал все наши деньги и каждый месяц переводил мне на хозяйственные расходы с лихвой. Мне не на что было жаловаться, он за все платил: ипотека, строительство дома, наши постоянные путешествия – я даже не вникала, сколько денег у нас на самом деле. Если мне что-то было нужно, я просила – он давал. Я хоть и была главбухом, видела все движения денежных средств, но конечные цифры в наличке оставались для меня загадкой.

Я не главбух, а дура. У меня после развода не останется ничего. Все мои денежки уплыли к другой тете.

– Я не лезу в твою жизнь, я хочу помочь. Ты останешься ни с чем после развода. Не будь душой, давай найдем адвоката.

– Ну хватит уже про адвоката! Я же сказала, земля и дом были оформлены на его маму еще до нашей свадьбы! У фирмы уставной капитал десять тысяч. Его официальные зара-

ботки ничтожно малы, а у нас нет детей, чтобы мне претендовать на алименты. Сбережения его я не представляю где, даже если они есть. А делить ипотеку на квартиру его мамы и кредит на строительство дома – они-то совместно нажитые – я вообще не хочу, – орала в трубку я.

– Ты хотя бы мебель и технику из дома заberi и продай, хоть какие-то деньги, – не отступала мама.

– Хорошо, заберу, – согласилась я и повесила трубку. Проще было согласиться.

Мое настроение окончательно испортилось. Кое-как собрав себя в кучу, утерев слезы и пообещав себе разобраться с этим позже, я въехала на территорию Валерия Петровича.

* * *

Я много времени проводила в Сониной комнате. Надо сказать, сама девочка там бывала не часто. Проснувшись рано утром, она бежала провожать отца на работу, если же он запирался в кабинете, то она играла под лестницей у его двери. Там ее находила Нина Павловна, кормила и уводила гулять на ферму. Обедали они отдельно. Приходя к ней в комнату в послеобеденные часы, я находила девочку погруженной в игры. Мне хотелось с ней познакомиться поближе, понять, что ей нравится. Но девочка была очень неразговорчивой для ребенка.

– А цвета тебе какие нравятся? – спросила я и положила

перед ней палитру одного из производителей краски.

– Я люблю желтый, как солнышко, и зеленый, как травка. И вообще я люблю лес, как папа, и море, как мама, – сказала девочка с грустью в голосе.

У Сони был слишком взрослый взгляд для семилетнего ребенка. Я при встрече решила, что ей не больше пяти, – уж больно маленькая и худенькая она была, но потом Нина Павловна сказала, что осенью Соня пойдет в первый класс, и я поняла, что ошиблась.

Я расспрашивала Соню, какие мультики ей нравятся, но оказалось, что она их почти не знает. И правда, в ее комнате телевизора не было, да и во всем доме тоже. Сейчас детская была почти пустой: белые стены, кровать, комод и немного игрушек – это все, что было там. Значительно позже я поняла, что на тот момент Соня жила в этом доме и в этой комнате всего месяц. И вообще в этой семье.

Что же с тобой произошло, милый ангел? Что за судьба у тебя? Можно было подумать, что сирота обрела семью, но она разваливается с треском в тот же миг...

Соня принесла мне большую зеленую книгу. На каждой странице этой книги была своя история про какую-нибудь фею. И зубная, и лесная, и фея-крестная – все представители сказочного мира жили в этой книге. Очень красивые иллюстрации, всевозможные кармашки и секреттики погружали ребенка в мир волшебства и делали его причастным к миру фей.

– Я хочу, чтобы моя комната была как домик для фей, тогда по ночам они будут ко мне прилетать и мне никогда не будет страшно, ведь я не одна, – сказала девочка, пока мы с ней листали книгу и заглядывали во все кармашки.

– Я обещаю, я сделаю все, чтобы тебе понравилось. Ну и феям тоже.

Этот разговор затронул тайные струны моей души, мне захотелось для этого ребенка перевернуть весь мир. У меня не было опыта материнства, но Соня смогла зародить во мне представление, что это такое. Я полюбила ее с первого взгляда, только поняла это спустя время. Мне очень захотелось узнать ее историю, надо будет аккуратненько расспросить Нину Павловну.

Я стала изучать мир фей, искать подходящие цвета. Смотреть на специальных сайтах, какие интерьеры детских по этой тематике есть. Мне все не нравилось: слишком пошло, слишком ярко или слишком много лесных жителей. С феями мне хотелось не переборщить. Не знаю, как это делают настоящие дизайнеры, я таким не являюсь. Мой опыт начинается и заканчивается одним домом – моим.

К интерьеру своего дома я не хотела допускать никаких дизайнеров. И дело даже не в моем уникальном вкусе, я хотела наполнить пространство только своими желаниями, а не модными штучками, как в журнале. Игорю вообще было наплевать на то, каким будет наш дом, он был занят технологиями, инженерией и конструктивом – строитель, одним

словом. Я пыталась его заинтересовать, обсуждала с ним варианты, но быстро поняла, что ему не до того. Это было пять лет назад. Он тогда меня еще любил или уже жил по инерции? Эти вопросы лезли мне в голову в самые неожиданные моменты.

Когда мы начали строить наш дом, а это было семь лет назад, я стала смотреть все передачи про ремонт. Покупала журналы и вырезала из них то, что мне нравилось, складывала в отдельную папку, чтобы не потерять. Я ездила на мебельные выставки и фотографировала там интересную мебель, а потом распечатывала и складывала в свою папочку. Я собирала всевозможные буклеты с интерьерных выставок. Папка переросла в две, а потом в коробку из-под бумаги.

Пришло время отделки, и я стала перебирать то, что собирала два года. Раскладывала по разным кучкам – гостиная, кухня, спальня, кабинет, детские. Так коробка переместилась в кучки на полу. Я ходила между ними, перебирала содержимое. Брала картинку и ехала в строительные магазины искать нужный материал. Так родился мой дом.

Сейчас я решила идти по тому же плану, но в ускоренном темпе. На первый вариант проекта у меня было две недели по контракту. Так что растягивать не стоило, а первая неделя пролетела незаметно.

Сегодня после обеда мне захотелось прогуляться в старый дом. Я взяла ноутбук и пошла по знакомой тропинке. У меня появилось несколько идей для Сони, я хотела их обдумать

на природе. Ключи от калитки и дома мне дал Семен еще неделю назад, но я так увлеклась работой, что не могла оторваться от ноутбука. Да и погода была дождливая и холодная – на улицу совсем не хотелось выходить. А сегодня было солнечно и тепло, весна брала свое, хоть и с запозданием.

Через десять минут я уже сидела на крыльце старого дома. Я живо представила, как на этой самой скамейке сидела бывшая владелица дома и смотрела на свой сад. Сейчас сад зарос и представлял собой печальное зрелище. Старые деревья – непонятно, живые или уже высохшие. Прошлогодняя не скошенная трава вперемешку с мелким кустарником заполнили все пространство между деревьями. С крыльца не было видно ничего, кроме серых веток и сухой травы, но я знала, что там впереди озеро.

Я представила себя девяностолетней, сидящей на этом крыльце. Доживать в таком месте свою жизнь, что может быть лучше? Рядом дети и внуки, позади долгая счастливая жизнь. Мне показалось, что женщина на этом крыльце была счастливой. Уж больно красиво тут, а еще тихо и душевно, что ли. И пусть дом и сад в запустении, но они живые. Я это чувствую. Вот новый дом Валерия Петровича – не живой. Он красивый и новый, но просто огромный для троих человек. Без уюта и тепла он слишком мрачный.

Валерия Петровича я за эту неделю не видела ни разу. Да и особо не хотелось. Моя задача – понравиться Соне, надеюсь, я смогу ее порадовать.

Вглядываясь с крыльца в сухие ветки, я пыталась понять, будет ли в моей жизни счастье? Смогу ли я еще верить мужчинам? Встретить такого, с кем смогу построить семью и родить детей? Мое женское здоровье вполне это позволяет, но мне тридцать пять, и время уходит слишком быстро. По сути, еще пять лет – и вероятность родить устремится к нулю.

А потом на меня накатила такая злость, мне захотелось все ломать и крушить. Я поддалась порыву и пошла ломать старые ветки и траву между деревьями. В меня вселилась нечеловеческая сила, и я била по старым веткам малины, осины и еще непонятно каким с не свойственным мне энтузиазмом. Я дошла до скамейки, на которой сидела с Валерием Петровичем, расчистила и ее. Старые ветки я складывала на берегу озера. Не знаю, сколько времени продолжалось мое буйство. Слезы текли по щекам, кажется, я даже подывала. Мне стало чертовски важно сломать все эти старые ветки.

Я рухнула на скамейку без сил. Теперь между мной и озером была огромная куча старых веток. Я оглянулась назад. Мне понравилось то, что я увидела. Теперь с крыльца будет видно озеро. Я сидела и улыбалась. На сердце стало легко.

В тот день я начала то, чем потом занималась каждую свободную минуту своего времени на работе у Валерия Петровича. Я приходила сюда и готовила сад к пробуждению.

Я сидела на скамейке и вглядывалась в серую гладь воды, а потом у меня родилась идея, и я поспешила обратно в Сонину комнату. Там я нашла альбом и цветные каранда-

ши. И стала рисовать. Виды будущей комнаты из моей головы переходили на бумагу. Пространственные наброски простым карандашом оживали на белом листе. Потом я добавляла цвета.

Сонина комната была неправильной вытянутой формы. Заканчивалась она пятиугольным эркером с высокими узкими окнами по каждой грани. По одной из длинных стен было еще два окна. Это была угловая комната. Из окон открывался прекрасный вид на лес. Где-то там, среди сосен, можно было разглядеть проблески воды. Вся комната около сорока метров, четверть из них приходилась на эркер. В комнате было много естественного света.

У меня родилась идея отделить пространство эркера прозрачной органзой, переходящей в занавески. Пустить хрустальные нити поверх полотна, чтобы лучи солнца преломлялись через камень и рождали яркие блики. Сделать это пространство местом для игр. Я рисовала широкий единый подоконник по всем окнам эркера, потом к нему снизу нарисовались ящички и шкафчики для игрушек. Это непременно должен быть массив дуба какого-нибудь коньячного, не слишком темного оттенка. Сама собой сверху появилась хрустальная люстра из таких же раскосых нитей, как на шторах. На пол лег зеленый ворсистый коврик неправильной формы.

Потом я рисовала виды основной части комнаты. Лишь только когда листы в альбоме закончились, я остановилась. Поискала еще один, но не нашла. За окном начинало тем-

нет, я посмотрела на часы и поняла, что уже десять часов вечера. Этого я не ожидала. Почему нет Сони? Ей пора бы ложиться спать. На телефоне было шесть пропущенных вызовов. Неужели я их все не слышала? Проверила – звук есть. Как в подтверждение этого телефон зазвонил опять. Машка так просто не отступала.

– Але, ты куда пропала? Олег сказал, что ты еще днем уехала по строительным магазинам. Я уже волноваться начала, вдруг ты там с моста прыгнула? Меня мама твоя тогда убьет.

– Не волнуйся, я заработалась, не заметила, как время пролетело. Сейчас пойду собираться. Не жди меня, ложись спать, – ответила я и повесила трубку.

Все пропущенные звонки были от Машки.

Я собрала свои рисунки, положила на место карандаши. Завтра привезу свои. Интересно, где они? И вообще, где мои кисти, краски? Я забирала их от мамы, когда переехала жить к Игорю. Еще какое-то время я рисовала. Мы долго жили с его мамой. Потом мы договорились продать эту квартиру и купить маме новую в ипотеку, а она разрешила нам строить дом на своем дачном участке под Гатчиной. Тогда Игорь уже встал на ноги и мог начать строительство. Их дача оказалась лучшим из того, что мы смотрели. Близко от города, почти двадцать соток – совсем недавно мы купили соседний участок. Продав мамину квартиру, мы переехали жить на съем на время строительства, куда же я отвезла свой художествен-

ный чемоданчик?

Пребывая в размышлениях, где же искать свои карандаши, я спускалась с лестницы. Тут раздался звук бьющейся посуды, но я не сразу поняла, откуда он исходит. Оказавшись на пролете между первым и вторым этажом, я остановилась и прислушалась.

– Сука, как же я ее ненавижу! – узнала я голос Валерия Петровича.

Дальше слов было не разобрать. Я прислушалась и уловила вкрадчивые женские интонации. Нина Павловна, догадалась я. Медленно и тихо я спустилась на первый этаж и увидела сквозь незакрытую дверь кабинета следующую сцену. Женщина стояла посреди кабинета, прижав руки к груди, и говорила тихим быстрым голосом. В это время хозяин кабинета метался из стороны в сторону, словно тигр в клетке. Я остановилась в тени лестницы, где обычно пряталась Соня, и замерла.

– Как она посмела забрать ее? А? Выкрала из дома ребенка посреди белого дня! Почему ты это ей позволила?

– Она ее мать. Она не воровала ребенка, ты же знаешь. Соня позвонила ей и сказала, что соскучилась.

– Где она нашла телефон? Почему ты позволила ей это сделать? – орал Валерий Петрович, а потом схватил со стола стакан и швырнул в книжный шкаф. Звон битого стекла был очень похож на тот, что я услышала на лестнице. Это разбился не только стакан, но и стекло дверцы шкафа.

Нина Павловна не шелохнулась, было видно, как проступили кости и побелели пальцы на ее крепко переплетенных у груди руках. Бесстрашию этой женщины можно было позавидовать. Гнев Валерия Петровича витал в воздухе и грозил разрушить не только кабинет, но и весь дом.

– Я всех уволю, это не охранник, а черт знает что! Как он пропустил ее? Я всем запретил ее пускать. Нет, я его завтра пристрелю! Тварь!

– Валера, я тебе еще раз повторяю, это все я, убей меня, если тебе станет от этого легче. *Ее* пропустила я. Ворота открыла я. Соня взяла *мой* телефон, который я оставила на столе в кухне. Она три недели не видела мать и даже не разговаривала с ней. Она перестала верить, что мама в командировке, но скоро вернется. Она ребенок, который столько горя хлебнул за свои семь лет, что на целых пять жизней хватит. И, видимо, после разговора Катино сердце не выдержало, ты же знаешь, как сильно она ее любит, не меньше, чем ты. Не знаю, как долго они разговаривали и о чем, но она уже через час звонила мне от ворот с просьбой вывести ей Соню погулять. Если бы ты разрешил ей иногда звонить и разговаривать с ребенком, этого бы не произошло. Я тебе говорила, так нельзя. Что бы ни произошло между вами – Соня тут ни при чем, если на суде узнают, что у вас нелады, *ее заберут*. По-настоящему заберут! Пойми ты это, дурья башка!

Пока Нина Павловна пыталась вразумить и успокоить мучащегося по комнате Валерия Петровича, я думала, как

незаметно уйти из своего укрытия. Я представила, что хозяин дома увидит меня, и холодный пот побежал у меня по спине. Ни малейшего сомнения, что он меня убьет в тот же момент.

Очередной стакан полетел в стену. Обхватив руками голову, Валерий Петрович остановился и сел на кожаный диван. Он не был виден в просвет двери, я поняла это по виднеющейся ноге и тени на полу. Только после этого Нина Павловна подошла к столу и налила воды из графина в последний целый стакан.

– На, выпей, тебе надо успокоиться.

– Я спокоен, я чертовски спокоен!

– Соня завтра вернется, Катя сказала, что привезет ее утром. Не нужно устраивать сцены при ребенке. Если ваша ссора такая серьезная, думай, как вы оба будете растить ребенка. За Соней опека будет следить во все глаза. Тут даже твои деньги не помогут. Ты же знаешь, что ее родственники тоже очень непростые. Как только у них появится шанс зацепиться, ее попробуют у вас забрать. Еще не было суда, до него еще месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.